

Наш церковно-богослужбный язык, как известно, значительно отличается от разговорного языка, употребляемого в общезитии, и от нынешнего литературного языка, каким пишут книги, газеты и журналы. Употребление его в Церкви освящено и

утверждено веками: как, в каких словах изливали свои моления пред Богом наши предки, начиная от современных Кириллу и Мефодию новообращенных христиан, такими же словами (с несущественными изменениями) выражают свои молитвенные обращения к Богу и нынешние служители Церкви и все благочестивые чада российской православной Церкви. Церковнославянский язык, освященный многовековым употреблением при богослужении и не смешивающийся с нынешним обыденным слововыражением, получил название языка священного, и люди с живым религиозным чувством относятся к этому языку как языку священному с особенным почитанием, чтя в нем достойную оболочку молитвенного духа.

Так было в течение многих и долгих веков. Но в последнее время поднимаются толки, направленные против употребления старого церковнославянского языка при богослужении, и в устных беседах и в печати[1] заявляются требования заменить его при богослужении обыкновенным русским языком. Вопрос об этом, полагаем, будет предметом обсуждения на предстоящем всероссийском церковном Соборе. Говорим так потому, что некоторые епархиальные преосвященные в мнениях и отзывах по вопросу о церковной реформе, представленных в Святейший Синод по его требованию ввиду предстоящего Собора, коснулись этого вопроса и представляли замену церковнославянского языка русским при богослужении, — одни необходимою[2], другие желательною[3].

В разных местах возбуждает этот вопрос и приходское духовенство, причем высказывается желание, чтобы по этому предмету высшие официальные сферы дали положительное решение. Так, на одном благочинническом съезде Николаевского уезда Самарской губернии, 12 июня 1907 года один священник (о. Сергей Самуилов) читал обстоятельный доклад по этому вопросу, доказывая необходимость замены церковнославянского языка при богослужении русским, и в конце доклада предлагал съезду духовенства должным порядком возбудить о том ходатайство пред Святейшим Синодом[4].

Стремление к этому новшеству в известной части нашего общества и духовенства косвенным образом вызвано современным реформационным движением. Реформаторская тенденция, как эпидемия, овладела умами: стали переоценивать ценности, обсуждать принятые порядки и обычаи и искать новых путей для удовлетворения насущных потребностей живущего поколения, и между другими вопросами, поднятыми реформаторским стремлением, добрались и до вопроса о церковно-богослужбном языке.

Но это новшество, которое готовы рекомендовать многие и ревностные представители Церкви, руководясь, конечно, добрыми намерениями, нам кажется напрасным и опасным.

Священные вещи, употребляемые при богослужении, очень ревностно охраняются религиозным чувством верующих и считаются неприкосновенными. Чем живее религиозное чувство, тем более стоит оно за охранение и сохранение таких вещей, которые чтутся, как святыня. С крайнею осторожностью нужно касаться таких неприкосновенных вещей и думать об изменении и замене их.

К числу таких предметов, свято чтимых и охраняемых религиозным чувством верующих, мы относим и церковно-богослужбный славянский язык. Из нашей истории известно, какое вызвано было возбуждение и какая поднялась буря, когда при Никоне неосторожно коснулись исправления богослужбных книг и решили круто изменить некоторые обычаи, неправильно вторгнувшись в церковную практику. По-видимому, маловажное значение имеет вопрос о двоении или троении аллилуйя, о двуперстном или троеперстном сложении рук для крестного знамения, о хождении посолонь и тому подобное. Но какое количество верующих готово было отпасть и отпало от единения с Церковью, когда увидели посягательство на обычаи, ими чтимые, хотя при этом они руководились недоразумением! А изменение церковно-богослужбного языка и замена его простым обыденным русским языком — это, по нашему мнению, вопрос очень важный и широкий, более важный, чем те вопросы, из-за каких в старые годы возник наш раскол, доньше не примиряющийся с Церковью. Смелое прикосновение к нему и посягательство на изменение обычая, утвержденного веками, может вызвать большие волнения и нарушить мир Церкви. В глубине церковно-религиозного общественного сознания верующих утвердился корень этого

обычая — употребление церковнославянского языка при молитве и богослужении, веками он укрепился и разросся в нем, подобно корню какого-либо векового дерева. Трудно вырвать этот корень и опасно. За него будет стоять живое церковное сознание, и если вы, несмотря ни на что, будете вырывать его, можете повредить дереву. Священный язык, входящий во все богослужебные чины, — это один из камней в фундаменте живого здания Церкви, неразрывно связанный с другими. Будете вынимать этот камень и заменять его другим, можете поколебать утвердившийся строй Церкви и, вместо мнимой пользы, принесете большой вред.

Трца
Еуліе
Аггыз

Священный язык, употребляемый при богослужении, отличающийся от обыкновенного разговорного языка, требуется и держится духом церковности и служит досточтимым его выражением. С ним свыклось и его охраняет благоговейное чувство верующих. Для слова молитвы и богослужения он то же, что священные облачения, употребляемые священнодействующими при богослужении. Молиться и совершать богослужебные действия, по-видимому, можно и в простой обычной одежде: сила молитвы и сила таинства не зависит от такой или другой одежды. Но предание, вера и благоговение узаконили для

совершающих богослужение особые одеяния, служащие священными одеждами и употребляемые только в церкви или при совершении церковных священнодействий. Попробуйте изменить этот обычай!.. Если не заговорит в вас против этого ваше религиозное чувство, против вас восстанут другие, руководимые духом церковности, более вас дорожащие преданием и святынею церковных обычаев. Нам кажется, нельзя отрицать аналогии между отменой церковных облачений при богослужении и отменой священного языка и заменой его простым разговорным языком в молитвенных обращениях к Богу, и если первое чадам православной Церкви показалось бы дерзновением, нарушением церковности, то и на второе едва ли бы равнодушно согласились те, у которых силен дух веры и церковности.

И в Греции, откуда мы получили христианство и правила, упорядочивающие церковно-религиозную жизнь и церковную обрядность, язык, употребляемый при богослужении, отличается от нынешнего новогреческого языка, на котором говорят и пишут современные греки, — отличается, если не более, то не менее, чем славянский церковно-богослужебный язык отличается от современного русского языка, и все православные греки дорожат этим языком, и там никому не приходит на мысль заменить древний греческий язык, на котором молились и писали святые отцы Церкви, языком новогреческим. Этого мало: благоговейное внимание к языку, освященному церковным преданием, у них простирается далее. Там, в Греции, не только при богослужении не думают и не позволяют изменять этот язык, но даже не

желают, чтобы священные книги переложены были на простой язык, употребляемый в общежитии. Известно, какая буря поднялась там, и какое сильное заявлено было негодование, когда в недавнее время появилось издание священных книг в переводе на простой обыденный язык, и не для церковного, а для домашнего употребления. Увидели в этом профанацию священных предметов и неуважение к слову Божию, которое и внешним выражением должно возвышаться над простым обыденным говором.

В уклонении от славянского языка иные не без основания видят уклонение от церковности или ослабление церковности. Так думают и говорят потому, что при этом в высоком божественном деле элемент священный, церковный заменяют элементом мирским. В этом отношении стоит особенного внимания мнение одного авторитетного лица, много заботившегося о переводе священных книг на инородческие языки, — именно Н.И. Ильминского. Он допускал и считал нужным совершать богослужение на инородческих языках, но вместе с тем являлся ревностным охранителем церковнославянского языка. Церковно-славянский язык он считал дорогим наследием, перешедшим к нам от предков, которым мы должны дорожить, и выражал глубокое сожаление о том, что у нас мало дорожат этим наследием.

«У нас (писал он К.П. Победоносцеву) в духовенство всосалось пренебрежение к славянщине; готовы все побоку. Поэтому-то мне еще сильнее и настоятельнее желательно напечатать редакцию четвероевангелия на древнеславянском языке; авось вот этой искрой затлеется угасающее чувство *родного славянского и православного* дела». Он приводит рассуждение одного протестанта, по его словам, лучше многих из нас понимающего значение церковности для России, в пользу удержания славянского языка. «Самая опасная для русской Церкви сила (представляет приводимый Ильминским протестант), — это Новый Завет на русском языке. С того времени, как стала распространяться эта книга, борьба Церкви против разлагающего движения делается с каждым днем тяжелее, и если ей не удастся это, то всякое внешнее давление на отдельных личностей и их религиозные отправления останутся напрасными... Из этой выписки (делает замечание Ильминский) становится понятным, почему иностранные миссионеры с такою настойчивостью распространяют русский перевод Библии и Нового Завета; трудно только понять, с какой стати мы, русские, так усердно содействуем их видам. Если православные миряне, пленяясь, благодаря ясному русскому изложению, содержанием Евангелия и вообще Библии, принимают русский перевод и бросают текст славянский, то они порвали уже связь с православною церковностью»[5].

Итак, по мысли Ильминского, которую, надеюсь, разделят многие, нужно твердо держаться славянского текста в церковной практике, чтобы не потерять связи с православною церковностью. Будет брошен этот язык, считающийся священно-церковным, и заменен простым обыденным языком, — произойдет

оміръщеніе церковнаго дела и низведеніе его с высоты, ему подобающей, в близкій уровень с простыми будничными явлениями.

Что опасеніе, высказываемое Ильминским, имеет основаніе, это можно подтвердить тем, что мысль об упрощеніи богослуженія и совершеніи его на русском языке встречает сочувствіе не в той части народа, которая составляет ядро православнаго народонаселенія и твердо держится Церкви, а в так называемой интеллигенціи, большинство которой утерьяло церковный дух; ко многим церковным установленіям относится более, чем равнодушно и больше числится в Церкви, чем живет в ней. Проведеніе ее в практику и жизнь Церкви было бы угожденіем людям малоцерковным, и вместе с тем оно могло бы нанести оскорбленіе благоговейному чувству тех, которые составляют соль земли и которыми держится на надлежащей высоте церковная жизнь.

В самом деле, не было ли бы странным для благочестиваго слуха и неудобоприемлемым для благоговейнаго чувства глубоко верующих, если бы церковныя молитвы и песнопенія, лишив облаченій церковнаго языка, облекли одеждою простых реченій нынѣшняго разговорнаго языка? Помирится ли благочестивое чувство, если, например, вместо слов: *отверзу уста моя*, будет сказано: *открою рот свой*, вместо слова *жезл* поставим слово *палка*, вместо слова *чело* — *лоб*, вместо слов *ланины* — *щеки*, вместо *рамена* — *плечи*, вместо *перст Божій* — *палец Божій* и т. п.? Как вы по-русски передадите, «*всяк мужескій пол ложесна разверзаяй*»? Без славянщины вы не обойдетесь при передаче самых простых молитвенных обращеній. Например, вместо *Господи*, *помилуй* по-русски нужно сказать *Господь*, *помилуй* (так как звательный падеж с особым окончаніем идет в русском языке), а еще более по-русски *Господин*, *помилуй*. Не почувствовали ли бы вы нарушенія церковнаго приличія, если обычную славянскую молитву заменили русскою фразою? Во всяком случае, встретятся большія затрудненія, которые трудно будет преодолеть, при передаче русскими выраженіями наших славянских молитвословій и песнопеній, чтобы при этом точно и верно передать мысль и в то же время вполне соблюсти церковное приличіе, подобающее святине молитв и требуемое благоговейным чувством христіански-настроеннаго верующаго.

До сих пор мы говорили за сохраненіе славянскаго церковно-богослужебнаго языка в силу общих соображеній, не касаясь тех основаній, по которым желают замены его при богослуженіи языком русским. Посмотрим теперь, тверды ли эти основанія, и вызывают ли они настоятельную необходимость такой важной реформы, какою должна явиться перемена славянскаго богослужебнаго языка на язык русскій.

Главное основаніе, в силу котораго желают и требуют замены славянскаго богослужебнаго языка русским, указывают в том, что славянскій язык чужой для нас, малодоступный пониманію народа. Православная служба, отправляемая на нем, при своей высокопоэтической высоте, для многих

остаётся мертвою, по причине недоступности языка для народного понимания. Все народы славят Бога на родном языке, а мы на чужом. Богослужение будет достигать своей цели тогда, когда будет совершаться на языке, понятном для всех, то есть на родном русском языке.

Но славянский язык, на котором отправляется наше богослужение, отнюдь не чужой для нас. Мы можем считать его своим родным языком, так как он представляет прямое и непосредственное наследие всего славянского племени, к которому мы принадлежим по своему происхождению. Своим языком считают его и другие славянские отрасли, хотя их теперешний язык более отделился от своего корня, чем наш русский язык, и дорожат им. Принадлежащие к православной Церкви славяне им пользуются при своем богослужении, поддерживая чрез то единение с другими православными Церквами в славянских странах, и не думают изменять его.

Мы, русские, церковнославянский язык можем считать своим по преимуществу сравнительно с другими славянами, потому что мы по количеству народонаселения составляем главное ядро славянского племени и в нашем русском языке сохранилось более элементов древнеславянского языка, чем в других славянских наречиях. Наш язык главный и самый крупный отпрыск славянского корня, сохранивший в себе существенные принадлежности того языка — праотца славянских наречий. Лексический состав его тот же самый, как и в славянском языке, за исключением многих иностранных слов, без нужды введенных в него писателями (вроде *культура*, *интеллигенция*, *абстракция* и т. п.), и если нужно очищать его от наносных чуждых слов и выражений, что отнюдь не лишнее при теперешней пестроте языка и его лексического состава, то для этого главное средство — обращение к древнеславянскому языку и заимствование из него слов и речений, более родственных гению языка, взамен иностранных слов, так искажающих в нынешней письменности чистую русскую речь. Славянский язык — чужой для инородцев, живущих в пределах Российской Империи и не сроднившихся с русским народом, и потому для них, в случае исповедания ими православной веры, необходимо переводить богослужебные книги на их языки и на их языках отправлять богослужение. Но те самые ревнители православия, которые прилагали особые заботы о переводе священных книг на инородческие языки, как Ильминский, считали необходимым для русских совершать богослужение на славянском языке, который Ильминский называет нашим *родным* языком.

Мы могли бы требовать перемены богослужебного языка, если бы таким был у нас совершенно чуждый нам язык, например, греческий или латинский, который в римско-католической церкви сделан обязательным для всех племен, при отправлении главных богослужений. Но православная Церковь в этом отношении руководилась иными началами, чем западная римская, не усвоив значения священно-богослужебного языка одному языку греческому, и, когда в среду славянских племен стал проникать свет христианства, она

позаботилась этим племенам дать священные и богослужебные книги на их родном языке, которым мы и пользуемся при богослужении.

Преувеличенными нам кажутся и жалобы на недоступность церковнославянского языка пониманию нынешних поколений, указания на то, что народ, присутствуя в церкви и слыша чтение и пение на славянском языке, не понимает того, что поется и читается, и во время богослужения внутренне почти не участвует в нем.

Бесспорно, часть правды есть в этих жалобах. Встречаются в наших богослужебных книгах устаревшие, не всем понятные слова; строение речи во многих местах, при буквальном переводе с греческого, является не отвечающим духу славянского языка, и изменяющим «смысл речи», встречаются прямо неправильные переводы с греческого. На этот недостаток в тексте наших богослужебных книг указывают очень многие[6] из епархиальных преосвященных в своих отзывах по вопросу о церковной реформе, представленных в Святейший Синод. Конечно, необходимо принять меры к устранению или исправлению этого недостатка. Но прежде чем говорить об этих мерах, мы считаем нужным сделать некоторые ограничения в тех посылках, из которых иные выводят заключение о необходимости замены церковнославянского богослужебного языка русским.

Правда, встречаются частные неудобопонятные выражения в тексте наших богослужебных книг, и мы готовы согласиться с тем, что таких выражений довольно много. Но эта неудобовразумительность не простирается на целостный состав богослужебных молитв и песнопений. При встречающихся выражениях, мало понятных, народ уловляет *общий дух, характер и смысл* чтений и пений, слышимых в церкви, и при понимании и усвоении главного душою молящегося при богослужении, может быть, не происходит большого вреда от того, что ускользают от внимания некоторые частности и не во всей полноте входит в разумение верующих предлагаемое в церкви для общего назидания и для возбуждения молитвенного духа. Народ наш с детства слышит славянский язык и с детства, более или менее, осваивается с ним; с детства он по-славянски молится Богу, и в прежнее время, когда учился грамоте, он учился грамоте не русской только, но и церковнославянской. Учебными книгами для него были Часослов и Псалтирь. Едва ли кто станет утверждать, по крайней мере, мы не представляем того, чтобы народу непонятны были моления и пения, слышимые во время главнейшего из наших богослужений — Божественной литургии, и чтобы, во время совершения этого священнодействия, он, как глухой, стоял безучастно, совершенно не понимая того, что пред ним поется и читается. Не думаем также, чтобы ему непонятны были слова Евангелия, читаемого на славянском языке: в Евангелиях, читаемых и по-славянски, все так ясно и прозрачно, что святое слово без затруднения ложится на сердце и простого, малоразвитого слушателя. Встречаются невразумительные речения в канонах и службах Миней и Октоиха; можно указать такие и в Псалтири,

но мы не можем сказать, что они существенно вредят настроению молящихся и делают их безучастными к совершению богослужения, при назидательности общего богослужебного строя. Святыня, возносимая и совершаемая в храме и предлагаемая в слове, пении и священнодействиях, воспринимается не умом только, но и сердцем, и сердцем первее и более, чем умом. Молитвенное настроение, с каким приходят в церковь на то или другое богослужение и какое церковь желает поддержать во входящих с верою и благоговением в храм Божий, охраняется и поддерживается всею внешнею обстановкою совершаемого богослужебного священнодействия, и общим, более или менее уловимым для всех, характером и смыслом этого священнодействия. У людей благочестивых оно не ослабевает, а держится в напряженном состоянии, если и не все воспринимается умом их и если иные, даже многие, слова ускользают от их внимания.

Иной слышит и понимает все, что читается и поется в храме, но сердцем не принадлежит храму. Такой меньше участвует в богослужебной молитве, чем другой, менее его понимающий, но благочестиво настроенный. Жертва его, приносимая Богу от преданного сердца, более приятна Богу, чем холодное разумение обладающего большим знанием, не согретое теплотою сердца. Если Господь предпочел щедрым дарам богачей, принесенным в храм, две лепты бедной вдовицы, то Он с любовью примет молитву простеца, не все отчетливо понимающего, если только эта молитва исходит из глубины верующей души. По притче Спасителя, мытарь, стоявший во храме в углу, не принимая видного участия в общественной молитве, а произнося только покаянные слова: *Боже, милостив буди мне грешному* (Лк. XVIII, 13) более оправдан был, чем фарисей, хвалившийся знанием закона и пунктуально выполнявший с фарисейским разумением храмовую молитву. Если настроение верующего, пришедшего в храм на богослужение, все сосредоточено будет в одной краткой молитве: *Господи, помилуй мя грешного*, не праздно будет его присутствие в храме, и молитва эта будет более угодна Богу, чем широкое и полное разумение всего, читаемого в церкви, при бессердечном отношении к молитве. Поэтому едва ли безусловно справедливы те, которые предаются излишним сетованиям ввиду того, что не всё и не все понимают, что предлагается верующим в церкви при богослужении. Многие простецы упреждают нас, разумных, в Царствии Божиим.

Нужно заметить еще, что в богослужебных чтениях и пениях иное является малопонятным простому народу не потому, что передается на церковно-славянском языке, а по свойству тех высоких предметов и понятий, какие в них излагаются, при изъяснении которых неизбежно бывает некоторая тень таинственности. Переведите эти возвышенные речи на простой обыденный язык, в них останется нечто невразумительное для человека, мало подготовленного к пониманию высоких тайн веры. Апостол Петр свидетельствует, что в посланиях, написанных апостолом Павлом, по *данной*

ему премудрости, суть неудобь разумна некая (2 Петр. III, 16). Не беда, если слова премудрости Божией, возглашаемые в церкви, только *отчасти* *разумевают* верующие, благоговееющие пред тайнами веры. Конечно, желательно более полное понимание их. В этом случае на пастырях Церкви лежит обязанность разъяснять неудобовразумительные места и речения и доводить вверенных их попечению пасомых до более полного понимания тайн веры.

Делая такие замечания, мы отнюдь не думаем, чтобы, при замечаемых несомненных неисправностях, дело оставалось в прежнем виде, без изменения. Необходим пересмотр и исправление наших богослужебных книг со стороны языка и изложения; в особенности это исправление, и исправление тщательное, нужно сделать в тех местах, которые в теперешнем тексте являются невразумительными. Это заявляют и на этом настаивают все епархиальные преосвященные, которые в своих отзывах Синоду по вопросу о церковной реформе касались богослужебного вопроса. Мы признаем это главную законную меру, которою можно воспользоваться в целях приближения наших богослужебных книг к пониманию народа, и она едва ли вызовет против себя серьезные возражения. Исправлением языка наших богослужебных книг, посредством замены непонятных славянских слов более понятными, и греческой конструкции, соблюденной в буквальных переводах с греческого текста, чуждой славянскому языку конструкциею, свойственною славянской речи, можно легко достигнуть той цели, какой другие хотят достигнуть посредством замены языка славянского языком русским.

Представляя дело исправления языка наших богослужебных книг настоятельно необходимым, чтобы он был доступен пониманию народа, некоторые епархиальные преосвященные в то же время заявляют, что это требование отнюдь не должно простирается до замены славянского языка русским. «Это не должно значить (говорит преосвященный Евфимий Енисейский), чтобы богослужебные книги были непременно переведены на русский язык. Против этого говорит как любовь русского народа к славянскому языку, так и значение его в деле единения всех славянских племен в родной православной вере»[7].

«Ввиду малопонятности иных мест в наших богослужебных книгах желать перевода богослужебных чинов на русский язык и совершать на нем богослужения едва ли удобно (замечает преосвященный Гурий, епископ Симбирский), тогда богослужение утратило бы свою величавость и торжественность»...[8]

Чтобы сделать более понятным для верующих все, что читается, поется и совершается во время богослужения, и чрез то доставить им возможность более активного участия в церковно-общественной молитве, некоторые преосвященные, кроме надлежащего исправления славянского текста богослужебных книг, рекомендуют другое полезное средство, которое, по

мере возможности, в высшей степени желательно привести в исполнение, — именно изготовление вспомогательных изданий, служащих уяснению чина богослужбного. Так, преосвященный архангельский Иоанникий находит необходимым издать, для возможно широкого распространения в народе и для употребления при общественной молитве, сокращенные чинопоследования всенощного бдения в воскресные и праздничные дни, а равно и божественной литургии, с исправленным славянским и параллельным русским текстом, а равно и с краткими предварительными и подстрочными толкованиями основной идеи каждой службы и смысла каждого наиболее важного песнопения в целом строе известного чинопоследования[9].

О́че на́шъ, ѿже еси́ на нѣсѣхъ, да свѣтитсѧ ѿмѧ твоѣ, да прїидетъ црѣтвіе твоѣ: да вѣдетъ во́ла твоѡ, ѿкѡ на нѣси́ ѿ на земли. хлѣбъ на́шъ насѣщный да́ждь на́мъ днѣсь, ѿста́ви на́мъ до́лги на́ша, ѿкоже ѿ мы ѿста́вляемъ должникѡмъ на́шимъ: ѿ не введи́ насъ во ѿску́шенїе, но ѿзбѧви́ насъ ѿ лѣка́вагѡ.

За сохранение церковнославянского языка при богослужении говорят особенности этого языка, отличающие его от нынешнего нашего разговорного и литературного языка. Эти особенности придают ему некую величавость и возвышенность, при которой на нем находят

наиболее удобное выражение те священные чувства и молитвенные излияния, для каких дается место при богослужении. Переведите вы на простую русскую речь славянские песнопения и молитвы, — послышится другой тон, не такой величавый, а более простой и низкий, и значительно ослабеет то святое впечатление, какое способна произвести молитва и песнь, возглашаемая на славянском языке. Это впечатление, питающее чувство благоговения, производит славянская речь, ныне слышимая при богослужении не потому только, что мы привыкли с детства слышать и произносить на славянском языке священные песнопения, молитвы и библейские чтения. В строе славянской речи, в сравнительном богатстве фонетики, сохранившейся в славянском языке, есть выгодные стороны, которые заставляют дорожить им и при которых он производит действие на душу более внушительное, чем наш нынешний язык. Он значительно богаче грамматическими формами, чем теперешний русский язык. У нас утрачены многие глагольные формы, отпали многие падежные окончания, а они придают особенную привлекательность и полнозвучие языковому выражению. Церковнославянский язык, ныне употребляемый при богослужении (для уяснения дела мы прибегаем к сравнению), представляет из себя дерево, вполне развитое, украшенное листьями и цветами. Эти листья и цветы, его украшающие, теперь в нашем современном языке, если не все, то многие отпали, и вместо них мы видим сухие ветви. Богатая фонетика

славянского языка, увядшая в вышедшем из него русском языке, заменена здесь более тощим, с внешней стороны, сухим логическим строем, что является неизбежным следствием во всех производных языках, удаляющихся от языка-праотца, и притом многое теряющих из его фонетики и обилия грамматических форм. И вот часто мы принуждены прибегать к многословию и описаниям, где в славянском языке грамматическая форма хорошо выражала оттенок мысли. Справедливо говорит (в журнале «Вера и Церковь») один автор, отстаивающий необходимость удержания славянского языка при богослужении, что в наших церковных песнопениях есть места неясные, но, наряду с местами неясными, есть многое множество мест, исполненных настоящей священной поэзии, мест, глубоко запечатлевшихся и сильно действующих на душу верующего. Заменить эти места, которые, кажется, и нельзя передать лучше, как они выражены на языке славянском, русским переводом, для многих было бы величайшей утратой[10].

В защиту мнения о замене церковнославянского богослужебного языка русским указывают на пример штундистов и других протестанствующих сектантов, у которых совершается чтение молитв и пение на русском языке, и оно-де многих привлекает к ним, так как чрез это каждый участвует непосредственно в молитвенном священнодействии. Нам кажется, едва ли достойно истинного православного христианина ссылаться на пример сектантов и увлекаться их обычаями. Едва ли удобно нам, обязанным охранять добрые предания отцов, идти тем путем, какой избрали отщепенцы, уклонившиеся от Церкви и ею отлученные, как потерявшие истинное сокровище веры и исказившие богослужебный чин. Но у них, говорят, есть нечто и хорошее; а хорошему, у кого бы оно ни замечалось, всегда подражать можно. Положим, так. Но хорошо ли то, что они оставили древние священные молитвословия и песнопения, составленные прославленными богомудрыми отцами и учителями Церкви, и заменили их своими скудными измышлениями, не могущими идти ни в какое сравнение с нашими молитвами и песнопениями, входящими в утвержденный чин богослужебный? Равноценно с этим и изменение богослужебного языка. Отвергнув церковнославянский язык при возношении своих молитвословий, они сняли священный покров с выражения своих религиозных чувств и облекли его в простую будничную одежду, чрез то произошло омирщение и понижение их богослужебного чина. И это едва ли может усиливать то благоговейное чувство, какое, по намерениям Церкви, должен производить чин богослужебный, совершаемый сообразно высокому и священному достоинству богослужебных действий.

Пленяет, говорят, многих православных русский текст молитвословий и песнопений, слышимых и у сектантов. Мы не придаем этому русскому тексту сектантских молитвословий особенной притягательной силы. На людей, живущих в Церкви и пропитанных духом церковным, он, напротив, может производить обратное действие, низводя с высоты выражение священных

чувств. И если иные, мало утвержденные в вере и обычаях отеческих, идут к сектантам, то русский язык их богослужения является в этом вовсе не главную приманкою, а действуют на них другие причины, более важные, среди которых русский язык богослужения не имеет существенного значения.

Желающие введения русского языка вместо славянского в богослужебный обиход не чужды опасения, как бы такая реформа не произвела неблагоприятного впечатления на православный народ, привыкший к истовому совершению богослужения на утвердившемся в церковной практике славянском языке, и как бы от этого не произошло раскола или разделения в русской Церкви, подобного расколу, происшедшему при Никоне. Выражая такое опасение, они не рекомендуют производить желательную, по их мнению, реформу круто и настойчиво, а предлагают вести к ней постепенно и исподволь подготавливаться. Одни, например, советуют ввести русский язык в одну какую-либо часть богослужения. Так, преосвященный Евлогий Холмский выражает желание, чтобы псалмы Давидовы, где это по состоянию молящихся признано будет возможным, читались и пелись по русскому переводу Священного Писания, так как славянский текст часто невразумителен и возбуждает недоумения[11].

Другие высказывают мнение, что не сразу и не во всех приходах вводить богослужение на русском языке, а только первоначально в некоторых, где того пожелают, надеясь, что это новшество, введенное в одном месте, принято будет и другими, узнавшими о нем и почувствовавшими выгоду от него. Более подробно выражен план постепенного введения русского языка в богослужение в мнении преосвященного Иоанникия Архангельского[12] и в цитированном нами докладе священника Самуилова, напечатанном в «Миссионерском Обзрении»[13].

Чтобы рекомендуемая реформа богослужебного языка не вызвала неблагоприятных последствий, отец Самуилов предлагает ходатайствовать *о разрешении*, а не *о предписании* совершать богослужение на русском языке. Никто из пастырей не будет стеснен, не будет обязан совершать богослужение непременно по-русски, от него будет зависеть, сообразуясь с желанием и степенью подготовленности к тому своих пасомых, начать замену богослужебного языка в своем храме или пока оставить прежний. Начать вводить богослужение на русском языке (говорит о. Самуилов, согласно с преосвященным Иоанникием Архангельским) нужно с городов и еще, пожалуй, с сел с сектантским населением. В городах это тем более удобно, что там имеется несколько храмов. Если в одном из них будет совершаться богослужение по-русски, то не желающие присутствовать на нем могут идти в другой храм. Сознает о. Самуилов, что в настоящее время народ не подготовлен к такой реформе богослужебного языка, и находит нужным, чтобы священники готовили к ней своих прихожан проповедями с церковной кафедры и частными беседами. Но пока народ к тому не

подготовлен, нужно поставить за правило вводить русский язык в богослужение не иначе, как с согласия прихожан. Если окажется, что в известной местности противники реформы будут возбуждать народ и будет грозить опасность, что реформа послужит поводом к уклонению от Церкви хотя одного человека, то, в таком случае, лучше пока остаться со славянским богослужением.

Нельзя не отдать надлежащей цены той благоразумной осторожности, с какою хотят и рекомендуют вводить в церковную практику реформу богослужебного языка. Но мы считаем совершенно излишними заявляемые заботы о постепенном введении реформы богослужебного языка и подготовке к ней народа, — считаем излишними потому, что не сочувствуем этой реформе и находим ее нежелательною. Зачем принимать меры к постепенному введению такой реформы, которая не вызывается существенными нуждами и, между тем, может сопровождаться вредными последствиями? Вы замените нынешний церковный язык, употребляемый при богослужении, языком улицы или языком нынешней развязной литературы. Не послужит ли это к умалению внешнего достоинства принятых Церковью молитвословий и песнопений и не будет ли сопровождаться понижением благотворного действия их на молитвенное настроение присутствующих при богослужении? Вред, отсюда происходящий, значительно может перевешивать ту пользу, какая ожидается от большей понятности церковных песнопений и молитв, изложенных на русском языке. К чему далее вводить реформу, как бы для опыта, сначала только в некоторых частях и в некоторых местностях? По нашему мнению, употребление при богослужении освященного или неосвященного языка — дело, имеющее важное существенное значение в практике церковной, и здесь сохранение единения между церквами, стоящими рядом, не может не быть желательным. Иначе может произойти соблазн, и расстройство единения в одном пункте может потом повести к расстройству более широкому. Лучше всего едиными устами и единым сердцем и (прибавим) одинаковым языком славить и воспевать нам пречестное и великолепое имя Отца и Сына и Святого Духа, какое молитвенное желание за каждой литургией устами священнослужителя возглашает святая Церковь. Единодушия в прославлении Бога и Отца Господа нашего Иисуса Христа, какого желает апостол (Рим. XV, 6), не будет у нас, когда одни захотят в молении употреблять простой русский язык, а другие будут держаться прежнего церковнославянского языка, и когда при этом могут произойти разделения, доходящие до распрей. А мы должны блюсти единение духа в союзе мира, составляя едино тело, един дух, якоже и звані во едином уповании звания нашего (Еф. IV, 3–4).

«Церковные ведомости», 1908, №№ 26–28, 30

[1] «Миссионерское Обозрение», 1907, № 9; Статья о богослужении на русском языке, стр. 1337–1342 — «Церковный Вестник», 1907, № 34. К вопросу о богослужебном языке православной русской Церкви.

[2] См. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. СПб., 1906. Ч. I–III. Мнение преосвященного Тихона Иркутского. Ч. II. 245.

[3] Мнения преосвященного Сергия Финляндского. Ч. III, 443. Преосвященного Евлогия Холмского. Ч. II, 287. Мнение Кишиневских епархиальных миссионеров, представленное преосвященным Владимиром Кишиневским. Ч. I, 203.

[4] «Миссионерское Обозрение», 1907, № 9.

[5] Ст. Листовского. *Н.И. Ильминский*. «Русский Архив», 1898, № 10.

[6] Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Рижский ч. II, 316. Орловский ч. I, 523. Могилевский ч. I, 100–1. Астраханский ч. I, 322–3. Нижегородский ч. II, 459–462. Калужский ч. I, 41–2. Полтавский ч. II, 336–7. Симбирский ч. II, 20. Ярославский, Приамурский 257.

[7] Отзывы епархиальных архиереев. Ч. III, 498.

[8] Ч. II, 20. Подобная оговорка есть и в отзыве Иакова, архиепископа Ярославского. Прибавление, 257.

[9] Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе, т. 1, 372.

[10] «Вера и Церковь», 1907. Кн. 5, с. 797.

[11] Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе, ч. II, 287.

[12] Там же, ч. III, 443.

[13] «Миссионерское Обозрение», 1907, № 9. О богослужении на русском языке, 1339–1342. О необходимости предоставления *права* совершать богослужение на русском языке, где того пожелают, говорит и преосвященный Сергей Финляндский. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе, ч. III, 443.

Из сборника «Церковнославянский язык в богослужении Русской Православной Церкви».